

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ.
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ

Материалы международной
научной конференции

Анапа, 20-25 сентября 1995 г.

Москва
"ГОТИКА"
1996

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛ. XVIII—XIX ВВ.)

Е. В. Бахмутская

Немецкие колонисты появились в С.-Петербургской губернии вскоре после обнародования Манифеста Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г., положивших начало иностранной земледельческой колонизации российских окраин. В 1765 г. было объявлено колонистам, находившимся на сборном пункте в Ораниенбауме, о возможности селить желавших близ столицы, а управителю Царского Села Удалову приказано «изыскать порожние земли, коими как крестьяне через земледелие, так и казенные места не пользуются, каких бы те ведомств ни было, селить колонистов...» [1].

Во исполнение этого решения в том же 1765 г. на территории губернии было поселено 110 семей, преимущественно из Вюртемберга и Бранденбурга, «которые склонность к тому оказали» [2], и образованы три первые колонии: Новосаратовская (в количестве 60 семей), Среднерогатская (28 семей) и Ижорская (22 семьи). В 1766 г. появились три колонии в юго-западной части губернии недалеко от уездного города Ямбурга — Луцкая, Порховская и Франкфуртская, основанные переселенцами-католиками из Пфальца.

Условия поселения были оговорены в заключенных с колонистами контрактах. Среднерогатские и ижорские колонисты, помещенные на землях дворянского владения (Царскосельской вотчины), получали, согласно контракту, по 30 десятин на семейство, а новосаратовские и ямбургские, поселенные на государственных землях, — по 35 десятин. Земля давалась в вечно-наследственное пользование без права дробления семейных участков и считалась общественным достоянием всей колонии. Казна обеспечивала колонистов домами и хозяйственными постройками; помимо этого на первоначальное обзаведение переселенцам выдавались единовременные безвозвратные пособия в размере 300 руб. на семью в Новосаратовской и Ямбургских колониях и 150 руб. на семью в

Среднерогатской и Ижорской. Согласно контрактам колонисты освобождались от рекрутской, военно-постоянной и всех земских повинностей и льготы были платить только поземельную подать в размере 1 руб. 22,5 коп. десятины до истечения срока льготы, составлявшей для новосаратовских, среднерогатских и ижорских колонистов 10 лет, а для ямбургских — 15 лет, в чем обязывались круговой порукой [3]. По истечении же 15 лет среднерогатские и ижорские (и 10 лет новосаратовские и ямбургские) колонисты были обязаны погашение суммы, издержанной казной на устройство переселенцев и распределявшейся между колониями следующим образом: Среднерогатская — 19335 руб. 14 коп., что составляет 378 руб. 90 коп. на двор; Новосаратовская — 78297 руб. 86,5 коп. (1304 руб. 90 коп. на двор); Ижорская — 25234 руб. 91,5 коп. (901 руб. 20 коп.); Ямбургские — 81970 руб. 39 коп. (886 руб. 20 коп. на двор) [4].

Казалось бы, исходные условия должны были благоприятствовать быстрому экономическому росту колоний. Однако по истечении льготных лет выяснилось, что ни одна из них не в состоянии начать выплату подати. Именным указом от 12 марта 1779 г. размер поземельной подати был сокращен для среднерогатских и новосаратовских колонистов в два раза против оговоренного в контракте, а для ижорских и ямбургских — еще раз [5], но и такие суммы оказались для них непосильными, и лишь с 1792 г. колонисты первой волны начали уплату поземельной подати и ссудных денег. В счет казенного долга, составившего на тот момент 250000 руб., новосаратовские и ижорские поселенцы обязались вносить по 5 руб., а среднерогатские — по 10 руб. с каждого дома ежегодно [6]. Что же касается ямбургских колонистов, то «в 1791 году директор депоноводства как ни употреблял со стороны своей наубедительнейших средств, склоняя оных неплательщиков к доставлению возмездного платежа короне..., но все его старания и многократные увещания остались безуспешны...; наконец письменно отозвались, что по своей крайней своей бедности и по неудобности земли податей платить не в состоянии, и в пропитании себя терпят крайней нужды, равно и во другие удобные земли переселиться без помощи казенной не могут» [7]. В результате долг вместе с некомпкой (137000 руб.) ямбургским колонистам был прощен, причем большую часть из них решено было перевести в Екатеринбургскую губернию, а оставшиеся 22 семейства получили новую льготу на 5 лет [8].

Таким образом, к концу царствования Екатерины II правительственные планы относительно колонистов были далеки от осуществления.

Павел I сразу после вступления на престол предпринял активные меры по выяснению причин хозяйственного упадка в колониях и улучшению их экономического положения. Петербургские колонии, как наболевшие вблизи столицы, стали объектом наиболее пристального его

внимания. В 1797 г. одному из членов образованной тогда же Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства действительному статскому советнику З.А.Хитрову было поручено «для вернейшего в точности о колониях здешней губернии познания... сделать самостоятельный осмотр, войти в подробности их хозяйства, разобрав их недостатки и составить обстоятельное описание» [9]. Доклад А.З.Хитрова, а также отчет инспектировавшего колонии в 1799 г. коллежского советника В.Озерова сохранились в фондах Российского государственного исторического архива и являются ценным источником для изучения экономического положения петербургских колоний в конце XVIII в. [10].

По мнению ревизоров, главной причиной, по которой «невинные послыне... силою рук в поте лица своего тщательно работая, не могут в годичное время извлечь из земли достойную самодержцу своему почитать и запас на собственный прожиток», были «недостаток и неспособность земель» [11]. Действительно, в ходе ревизии выяснилось, сколько мало условия обеспечения колонистов землей, отворенные в заключенных с ними контрактах, соответствовали действительному положению дел.

Так, в Среднерогатской колонии, вместо положенных по контракту 660 дес., в распоряжении ее жителей находилось лишь 524 десятины 71 сажень, из которых лишь 1,5 дес. — на картофельное поле, а остальная земля находилась под выгоном, лесом и лугами.

Колонистам Ижорской колонии полагалось отвести 840 десятин. Под названием удобной им было отведено даже более — 1340 дес., но эта земля, по заключению ревизоров, была непригодна к хлебопашеству, так что на пашню в трех полях и картофельное поле в этой колонии также приходилось лишь по 1,5 дес. на семью. Помимо этого, некоторая часть земли находилась под лесом и сенокосом, «прочая же земля совершенно неудобная, состоящая в водяных и моховых болотах».

Колонисты Новосаратовской колонии вместо надлежавших 2100 десятин получили 1656 дес. 1943 саж., причем отмечалось, что «сия по межам правилам названная удобною земля состоит по большей части из болота с мелким лесом, для приведения которой в годную под пашню и сенокос надобно употребить великие труды» [12].

Что же касается ямбургских колонистов, то по контракту им полагалось отвести 323765 дес. земли, фактически же было отмежевано 2927 дес. Уже через год после поселения, в 1767 году, они доносили гофмейстеру Елагину, к ведомству которого относились, о том, что «отведенная им земля неудобна, пешана и совсем к хлебопашеству неспособна», на что гофмейстер обмил их в лености и нерадении и неоднократные просьбы колонистов о пересмотре их надела оставил без ответа. По исследованию же в 1792 г. участка в натуре оказалось, что на 92,5 семейст-

ва приходилось лишь 269 дес. 778 саж. удобной земли, что составляло 9% надела [13].

Несмотря на недостаток и плохое качество земли, земледелие оставалось главным источником благосостояния колонистов. Возделывали в основном картофель, рожь, овес. Зерновых, как правило, не хватало до следующего урожая, картофель же шел и на продажу, доход от которой в Ижорской и Среднерогатской колониях достигал соответственно 100 и 250 руб. в год. Суглинистые и песчаные почвы требовали обильного удобрения, для чего нужно было содержать большое количество скота, а этому, в свою очередь, препятствовал недостаток сенокосных угодий. Попытки каким-либо образом окультурить свои участки не приводили к успеху. По замечанию З.А.Хитрова, ижорские колонисты «по недостатку удобной земли сена собирают в хороших местах по 200 пудов на каждый двор, и то по речкам, а в прочих местах по причине болотистости и хрупкого кряжа при всем их старании сена не родится. Они распахивают и засевают те места травой, но через два года они превращались опять в мох» [14]. Колонисты вынуждены были прикупать сена на сумму 50—70 руб. ежегодно, а кроме того все равно приходилось покупать и навоз.

Недостаток покосов и связанная с ним невозможность держать необходимое количество скота обуславливали серьезные трудности в проведении сельскохозяйственных работ: для эксплуатации привезенных колонию скотины с роллины плугов была необходима пара лошадей, что значительно сослуживать и пахать поле по очереди, теряя драгоценное в страдную пору время.

Несмотря на наличие общих трудностей и схожих проблем, к концу XVIII в. уже проявились различия в уровне благосостояния колоний, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами.

В наиболее выгодном положении относительно остальных находилась Среднерогатская колония. Близость города предоставляла возможности для снабжения полей удобрениями и сбыта сельскохозяйственных продуктов; в колонии имелись 3 кузницы и небольшая замшевая фабрика. Оценивая уровень благосостояния среднерогатских колонистов как довольно высокий, член ЭГХ В.Озеров замечал, что «сей самый главный причиною, что сии колонисты улетают в приходы, не свойственным для поселения, а некоторые начинают вдаваться в пьянство и разврат» [15]. Впрочем, делая данное замечание, чиновник имел в виду прежде всего необходимость повышения полатей.

Достаточно выгодным было и положение самой крупной из колоний — Новосаратовской, имевшей возможность возить в С.-Петербург продукты самым дешевым волным путем, будучи размещенной на берегу Невы. Однако здесь царил беспорядок и бесхозяйственность: «у некоторых колонистов при домах дворя не огорожены, в полях поло-

сы не вспаханы, вообще применяется пераждение к хозяйству...» [16]. Причиной «нерадения» чиновники считали наличие в этой колонии питейного дома и водочной лавки, отпугавших крестьян от земли.

Напротив, ижорские колонисты заслужили самые одобрительные оценки ревизоров. «Будучи поселены на неспособной земле, сии колонисты трудолюбием и прилежностью своею не токмо уличивают бездомично поземельные и долговые деньги, но и имеют безбедное пропитание. Обрабатываемые у некоторых хозяев огороды, осушенные канами поля, насажденные живые изгороди могут в пример служить прочим колониям, и если сии поселения в худшем находятся состоянии, нежели среднеазиатские, тому единственно прилично неспособность их земли и не таковые убогости продавать свои продукты...» [17].

В наилучшем же положении находились, безусловно, ямбургские колонисты. Малоземелье, расположение колонии в сельской местности, где отсутствовал рынок сбыта сельскохозяйственной продукции, — все это заставляло искать дополнительные источники дохода. Большинство колонистов наряду с работой в поле (а нередко вместо нее) трудились на Ямбургской суконной фабрике, что, впрочем, обеспечивало им лишь скудное пропитание. Вообще же отвлечение жителей колоний от земледельческих занятий не соответствовало планам правительства. Не случайно ревизоры аргументировали необходимость принятия действенных мер тем, что «за неимением средств к прокормлению отдаются дети для научения мастерства, совершенно не свойственным к хлебопашеству..., после чего сии, наученные ремеслам или художествам, из состояния своего выходят...» [18].

В целях исправления положения в колонии и в соответствии с рекомендациями инспекторов Павлом I было повелено, во-первых, «удольствовать колонистов положенною... пропорциею земли», во-вторых, подчинить их прямому наблюдению ЭГХ, а для непосредственного руководства ими ввести должность смотрителя, который бы, «наблюдая земскую полицию, внутреннее благоустройство и вернейший отчет в податях государственных, мог преподавать практические наставления в земледелии, скотоводстве и сельском хозяйстве...» [19]; помимо этого в колониях предполагалось ввести травосеяние, разведение американского осеменного картофеля и т. д.

Активно начавшаяся деятельность по переустройству была петербургских колонистов прервалась со смертью Павла, однако часть из назначенных при нем мер была проведена в жизнь.

Уже в 1802 г. была принята «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в С.-Петербургских колониях», подробнейшим образом регламентировавшая все стороны жизни колонистов, в том числе их хозяйственные отношения.

С 1805 г. в колониях под руководством члена ЭГХ С. Джунковского стала внедряться так называемая посевная система земледелия, поощрявшая в то время распространение в Англии и Голландии, в соответствии с которой та часть поля, что традиционно оставалась под паром, должна была засеиваться кормовыми травами и опощными культурами. Отнесшись поначалу весьма настороженно к нововведению, после получения высоких урожаев в 1805 и 1806 гг. большая часть колонистов перешла к новой системе и впоследствии уже не отходила от нее, тем более соответствующие местным условиям усовершенствования. Трое домохозяев, первыми перенявших новый метод, по ходатайству Джунковского были награждены серебряными медалями от имени императора.

В 1805 г. правительство пришло к выводу, что принятые меры дали положительный результат и сочло возможным вдвое увеличить размеры поземельной подати со всех колонистов, кроме ямбургских [21].

В начале царствования Александра I был открыт новый этап перестройки колонистов (1804—1829 гг.), к организации которого правительство подошло с учетом прошлого опыта: был значительно ужесточен порядок отбора колонистов, введен имущественный ценз (300 гульденов); местные власти обязывались более добросовестно подходить к отбору земель для колонистов и процессу их поселения. Однако в отношении С.-Петербургской губернии эти пожелания большей частью остались на бумаге.

Получив предложение Александра I о предоставлении под новое поселение вблизи столицы его собственных земель под Ораниенбаумом в количестве около 20000 дес., министр внутренних дел В. П. Котлубей предписал российским миссиям в германских государствах известить желавших о возможности поселиться под Петербургом, однако все погенициальные колонисты были ориентированы на поселение в южных губерниях. Лишь в январе 1809 г. пришло сообщение от поверенного в делах русского советника Анштедта из Вены о том, что оказавшиеся после разгрома Польши в м. Иновлаце на р. Пилице выходцы из Пруссии, «пожелав немалое разорение от войны жслают все вместе переселиться в Россию, и... готовы теперь итти, куда бы их ни пригласили», а поскольку они ничего не знают о южных губерниях, те, по мнению Анштедта, «с охотою согласятся поселиться на ораниенбаумских землях» [22].

В том же 1809 г. иновлацкие переселенцы в количестве 91 семейства прибыли в Россию. Вопреки первоначальному плану лишь некоторая их часть была поселена около Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны, большинство же разместили в так называемом «Изварском обрзе» (Шарксельский уезд), земли которого, как вскоре выяснилось, были совершенно непригодны для земледелия. Колонисты, оказавшиеся в крайне бедственном положении, пытались протестовать, обращались с жалобами к местному и высшему начальству. В конце концов конфликт обо-

стрился до такой степени, что по приказу Александра I в колонии были размещены казацкие части, а «подстрекатели» высланы за границу.

В 1811 г. все же было принято решение перевести колонистов из «Изварского обрза» частью на земли, принадлежавшие великому князю Константину Павловичу (под Стрельной), частью на земли императрицы Марии Федоровны у Павловска, частью на государственные земли Ораниенбаумского уезда; 50 семей отправили в Новороссийский край. Согласно указу Александра I от 12 сентября 1811 г. «новых» колонистов предписано было наделить землей в количестве по 35 дес. на семейство; в отношении податей и льгот они подчинялись общим положениям, отворенным в указе 1804 г. [23].

В результате общине издержки на возвращение, обзаведение и новое поселение колонистов достигли суммы в 1574303 руб. 39,5 коп. асс. и 371 червонец [24].

В целом процесс адаптации новых переселенцев, несмотря на трудности первого периода, шел несколько быстрее и легче, чем в «старых» колониях.

Уплата податей была начата ими в срок по истечении льготных лет, хотя и на этот раз при их гыскании правительству пришлось столкнуться с некоторыми проблемами. В 1820 г. «новым» колонистам было предложено составить «положения», «сколько они, сообразно выгодам местоположения своего, доброте земли и всех хозяев состояния» могут в ближайшем расстройстве своих хозяйств» вносить в уплату долга и в поземельную подать [25]. Согласно представленным колонистами пожеланиям, суммы распределились следующим образом: Стрелинская колония обязалась платить по 40 руб. в год в уплату долга и по 2 руб. с десятины в полушную подать; Петергофская, соответственно, 45 руб. и 2 руб., Ораниенбаумская — 30 руб. и 1 руб. 60 коп., Кронштадская — 35 руб. и 1 руб. 80 коп. и Кипенская — 40 руб. и 1 руб. 80 коп. [26].

Однако, несмотря на то, что размеры податей были согласованы с колонистами, в январе 1821 г. Стрелинская и Кипенская колонии отказались от их уплаты, ссылаясь на неправомерность действий правительства, которое не зашло им 2 года пребывания в «Изварском обрзе». Жители колоний обращались с соответствующими просьбами к управляющему министерством внутренних дел О. П. Козолаеву, но их требования не были удовлетворены. Инспектор С.-Петербургских колоний, ознакомившись с объяснениями сии принимали не с таким уважением, как это «колонисты объявляли сии принимали не с таким уважением, как бы следовало, и не хотели было платить податей», однако, получив сугзи на размышление, под угрозой наказания дали обязательство внести деньги в течение недели [27].

Помимо указанных платежей со всех колонистов взимались: казенные подати на содержание присутственных мест (по 18 коп. с души) и

состояние путей сообщения (30 коп. с души); земские (только с «новых» колонистов, размеры колебались) и сельские сборы — на содержание пастора, школы, сельских приказов (расплачивались на семьи по мере необходимости).

О степени обременности колонистов платежами можно судить по данным, приведенным в следующей таблице, составленной по материалам «Ведомости о благосостоянии С.-Петербургских колонистов за 1827 год» [28] (в расчет приняты все виды платежей).

Таблица 1. ПОВИННОСТИ КОЛОНИСТОВ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1827 г.)

Колония	Сумма платежей на I дес. надельной земли (руб.)	Сумма платежей на наличную душу м.д. (руб.)
Новосаратовская	3,78	14,19
Среднерогатская	6,30	27,17
Ижорская	3,08	10,58
Ямбургские	1,34	11,55
Стрелинская	3,85	39,52
Кипенская	4,14	29,30
Кронштадская	4,56	18,93
Ораниенбаумская	3,45	16,65
Петергофская	3,90	29,17

В среднем по губернии (без колонии)

3,82

21,89

Как видно из таблицы, в распределении платежей между колониями имели место существенные различия. Нужно, однако, заметить, что данные суммы не были постоянными: значительно их часть составляли сельские сборы, размеры которых периодически изменялись. К примеру, высокий показатель платежей для Среднерогатской колонии объясняется именно большими размерами сбора на содержание пастора и сельского приказа — по 43,4 руб. и 23,8 руб. с дома соответственно, тогда как в других колониях эти суммы колебались в пределах 2–18 руб. и 1–7 руб. [29].

Как «новыми», так и «старыми» (за исключением Ямбургских) колониями платежи вносились в срок и в полном объеме, что было характерно для недолгой петербургской деревни. Помимо податей, зна-

чительные суммы зачислялись на счет общественных капиталов на Богородские заведения (с 1820 г.), в пользу бедных (с 1820 г.), на школы (с 1826 г.) На начало 30-х гг. XIX в. общая сумма капиталов составила более 55 тыс. руб. [30].

Некоторое представление о бюджете колоний можно составить по данным отчета инспектора за 1831 год [31].

В 1831 г. всеми колониями было продано до 30357 четвертей картофеля на сумму 148035 руб. (при этом отмечалось, что урожай в связи с засухой выдался хуже обычного); кроме того, доходы от скотоловства составили 29218 руб. — всего 177253 руб. или по 139,35 на душу м.п.

В то же время долговые, поземельные, казенные и земские платежи составили 24626 руб. 87 коп., а сельские и на общественные расходы — 19821 руб. 29 коп. Таким образом, после всех взносов (44448 руб. 16 коп.) осталось 132804 руб. 84 коп. Большая часть этой суммы должна была пойти на экономические расходы: ежегодно каждому хозяином покупалось более 200 возов навоза; помимо этого, в данный период колонисты уже широко использовали наемный труд — во время жатвы, но свидетельству инспектора, каждый хозяин нанимал от 20 до 40 работников, платя им деньгами или хлебом, так что в сумме эти расходы в 1831 г. составили 86904 руб. Итак, после всех обязательных выплат осталось 45000 руб. (по 36,1 руб. на душу м.п.)

При всей условности приведенного расчета на его основании можно говорить о платежеспособности и относительной устойчивости среднего колонистского хозяйства. Во всяком случае, уже в этот период колонисты превосходили по уровню благосостояния русских и финских крестьян губернии, совокупных доходов которых часто не хватало на уплату годовой подати.

Более детальное представление об экономическом положении петербургских колонистов в конце 20-х — начале 30-х гг. дает таблица 2, также составленная по данным «Ведомости о благосостоянии...» за 1827 год [32].

Как видно из таблицы, в 1827 г. население колоний насчитывало 2506 человек о.п., что составляло 294 семьи средней численностью по 8,5 человек.

Несоответствие числа семей количеству домов в «старых» колониях объясняется активно шедшим в этот период процессом раздела подворных хозяйств, в результате чего все первоначальные семейные участки оказались разбитыми на две части. Этим же обстоятельством объясняются и различия в количестве земли, приходящейся на семью в «старых» колониях.

Что касается обеспеченности колонистов скотом и основными орудиями труда, то нужно отметить, что средние величины достаточно хорошо описывают реальную ситуацию, особенно в отношении «новых» колоний, где отклонения в ту или иную сторону минимальны.

Таблица 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ КОЛОНИСТОВ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 20-х гг. XIX в.

Колония	М.п. п.п.	Население	Кол-во семей	Числ. дворов (чел.)	Кол-во дворов	Наде-льная земля (дес.)	Кол-во земель на семью (дес.)	На I семью приходится	
								лоша-дей	плуг-ов
Новосаратовская	462	443	109	8,3	60	1735	98 сем.—14,45	3,1	3,3
Среднеротавская	174	185	38	9,4	53	750	24 сем.—14,4	2,5	2,2
Ижорская	247	211	49	9,3	51	847,8	40 сем.—14,6	1,9	2,1
Ямбургские	162	146	33	9,3	22	1378	41,76	1,3	1,1
Стрелинская	94	117	28	7,5	28	964	34,4	2,3	1,8
Кинская	50	50	11	9,1	11	352	32,0	2,0	1,2
Кронштадтская	29	25	7	7,7	6	120,3	20,05	2,3	3,0
Ораниенбургская	15	12	3	9,0	3	72,5	24,2	2,0	2,0
Петрофская	8	11	2	9,5	2	59,7	29,9	2,0	2,5
Фриденбургская	31	34	14	4,6	14	27,7	—	—	—
Землепольские колонии	1241	1200	280	8,7	236	6279,3	22,4	2,2	2,1
Все колонии	1272	1234	294	8,5	250	6307,0	—	2,8	2,0

Наиболее отчетливо проявляется неравенство в количестве коров на семью: так, в Среднерогатской колонии из 38 домохозяев у 4 не было коров, а 8 имели более 4; в Ижорской из 49 семей в 14 насчитывалось по 1 корове, а в 10 — по 5 и более (до 9). Учитывая то обстоятельство, что торгово-молочными продуктами являлась важным источником дохода в этих колониях, а также проблемы с удобрением полей, данная разница имела довольно существенное значение.

Особое положение Фриденбургской колонии связано с тем, что она не являлась земледельческой. Поселенные в 1819 г. в Царском Селе выходцы из Бергского герцогства были ткачами и занимались производством шелковых, хлопчатобумажных, льняных и шерстяных изделий, в основном лент и тесемок. На их поселение, в счет суды и на постройку домов, проекты которых были разработаны выдающимся архитектором В. П. Стасовым с учетом требований производства, было истратчено 190400 руб. 15 коп., из которых возврату подлежало лишь 24 тыс. руб. [33]. По свидетельству директора Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, они «утражились с особым трудолобием и успехом в своем рукоделии и вели себя во всех отношениях как лучшие хозяева, обучая притом своим рукоделиям нескольких воспитанниц С.-Петербургского воспитательного дома» [34]. В описываемый период эти колонисты находились на льготе и податей не платили.

В остальных колониях промыслы (за исключением лачного) не играли существенной роли. Развитию промыслового отхода отчасти препятствовал чрезвычайно сложный порядок выдачи паспортов для отлучки «хотя бы в ближайшие селения для каких-либо работ». В результате последовавшей в 1847 г. просьбы инспектора о его пересмотре Николаем I было разрешено в «в виде опыта» упростить процедуру [35].

В области земледелия же были достигнуты существенные успехи. Обильное удобрение почвы, использование усовершенствованных орудий труда, разведение новых сортов сельскохозяйственных культур позволили получать более высокие, чем у окрестных крестьян, урожаи. Ежегодно выполнялись большие объемы мелноративных работ. В 20-е гг. в колонии стали возделывать неизвестные до того в северо-западном регионе китайскую пшеницу, английский тяжеловесный белый и персидский многоплодный овес.

С общей картиной поступательного развития резко контрастировала ситуация в Ямбургских колониях, положение которых, напротив, год от года ухудшалось. С ростом численности населения сокращалось количество пашни на душу, а земель, пригодных для новой распахки, в отличие от других колоний, не было; ябургская суконная фабрика прекратила работу, лишив колонистов возможности хотя бы минимального заработка. В середине 40-х гг. XIX в. бедственное положение ябургских поселян обратило на себя внимание Палаты государственных иму-

щество, по поручению которой рядом должностных лиц был произведен осмотр колоний. Отзывы всех чиновников были «одинаково согласны в том, что быт ябургских колонистов представляет собой величайшую бедность, дома и хозяйственные строения большей частью в разрушенном состоянии, лошади и домашний скот; ремесленная промышленность нисколько не развивается, огородничество едва удовлетворяет домашним потребностям... наконец, безправственность, вследствие бедности, до того распространялась, что из числа 40 домохозяев 16 обращают особенное внимание своим худым поведением и нетрезвою жизнью, требующими строгих исправительных мер» [36]. Недоимка, накопившаяся к этому времени, составила 1360 руб. 39,5 коп. По причине неуплаты денег на общественные расходы не функционировало местное самоуправление; шульга Иван Келлер, не получавший жалования, по отзывам колонистов, «никакой пользы не приносил, а терпелся лишь по неимению лучшего выбора» [37].

Палата государственных имуществ выступила с предложением пропустить Ямбургским колониям недоимку, выделить суду, а также назначить на место шульги унтер-офицера с сохранением жалования; часть денег вновь было решено переслать в Екатеринбургскую губернию. Этим мерам несколько облегчили положение ябургских колонистов, однако приблизиться по уровню экономического развития к другим петербургским колониям они смогли лишь в пореформенный период.

Период буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. стал важнейшим этапом в социально-экономическом развитии немецких колоний Петербургской губернии.

В рамках начавшейся в 1863 г. реформы в удельной деревне 2 ноября 1863 г. был разрешен выкуп земли петербургским колониям, находившимся в ведении министерства императорского двора и удельного ведомства. К началу 80-х гг. большая часть из них приобрела землю в собственности.

Издание в 1871 г. «Правил об устройстве поселен-собственников» позволило процесс преобразований в колонистской деревне. В соответствии с этими правилами в местах наибольшего сосредоточения колонистов были образованы немецкие волости — Новосаратовская и Среднерогатская в Петербургском уезде и Колпинская в Царском Селе. Более мелкие группы немецких поселений составили сельские общества.

На 60–70-е гг. XIX в. приходится третий этап развития петербургских колоний, ознаменовавшийся быстрым ростом числа новых поселенцев. В отличие от поволжских, перешедших в начале XIX в. к общинному земледеланию, колонисты С.-Петербургской губернии сохранили в неприкосновенности подворно-наследственную систему. К 60-м гг. XIX в. первоначальные подворные участки в «старых» колониях были раз-

делены пополам. Запрет на дальнейшее дробление наделов побуждал колонистов искать выход из земельных кризисов, обусловленных естественным приростом населения, на пути покупки и долгосрочной аренды дополнительных земель и образования так называемых «дочерних колоний». Переселенцами из Новосаратовки были основаны Веселый Поле, Гражданка, Каменка, Ново-Александровская и т. д.; выходцами из Средней Рогатки — поселки Берчей и Шеферов, Пятидомки, Соколова и др. В Петербургском уезде, где располагались эти колонии, на долю колонистов, составлявших лишь 6% сельского населения, приходилось более 64% приобретенной в собственности земли (1483,59 дес. из общего количества 2304,71 дес.) [38], причем если средняя величина участка, приходившегося на одного владельца по уезду, составляла 9,4 дес., то для колониста эта цифра равнялась 14,3 дес. Объектом покупки становились земли как крупных помещиков (графов Воронцова, Шуленбурга), так и крестьянских обществ, выкупивших свои наделы.

Значительное преимущество колонистов в обеспечении земель по сравнению с другими категориями крестьян предопределялось и тем обстоятельством, что их наделное землепользование не претерпело никаких изменений (согласно «Правилам» 1871 г. за поселянами-собственниками оставались все бывшие в их распоряжении земли), в то время как, например, у бывших помещичьих крестьян губернии было отрезано в ходе реформы более 35% земли [39]. «Новые» колонии проявляли в покупке земель гораздо меньше активности. Там к этому времени только завершался процесс разделения подворных участков. Резервы для роста сельскохозяйственного производства изыскивались в изменении структуры надела в пользу пашни (за счет распахивания лугов и выгонов). Вообще обращает на себя внимание существенная разница в структуре надела колонистов и других категорий сельского населения: в колонистском наделе на долю пашни приходилось в среднем 52,9% земли (в Новосаратовской и Среднерогатской волостях соответственно 58% и 71,7%, в приморских колониях — 63,8%), тогда как в среднем по губернии этот показатель не превышал 35%. Характерно, что среди арендованных земель у колонистов преобладала пашня, в то время как у остальных сельских сословий более 93% арендуемых угодий составляли сенокосы [40]. Эти особенности связаны с сохранявшейся и в пореформенный период выраженной сельскохозяйственной ориентацией колонистских хозяйств, наладивших крупное товарное производство картофеля и овса. На наделах, арендованных и купленных землях среднерогатских и новосаратовских колонистов, составлявших, как уже было сказано, чуть более 1/20 части сельского населения Петербургского уезда, выращивалось 18,9% овса и 52,8% картофеля, производившегося в уезде. В Ямбургском уезде хозяйство колониста производило картофеля в 13 раз больше, а в Ижорском — в 15 раз больше, чем среднее крестьянское хозяйство.

В колонистских хозяйствах широко использовался наемный труд. В Ямбургских — 13%, в Ижорских — 33%, а в Новосаратовской и Среднерогатской колониях — до 97% домохозяев нанимали срочных или полудневных рабочих (в среднем по губернии этот показатель колебался в пределах 3—20%). Приведенные факты свидетельствуют о более интенсивном развитии капиталистических элементов в экономической жизни наемных колоний по сравнению с государственной и бывшей помещичьей деревней.

Рентабельность сельскохозяйственного производства в колониях была выше средней по губернии, что не в последнюю очередь обуславливалось более низким, чем у других категорий крестьянства, уровнем платы за десятину земли и на одного работника во многих из них. Помимо этого, применение передовых земледельческих технологий позволяло получать более высокие урожаи. Введенная в 1805 г. посменная система была усовершенствована и усложнена, так что во второй половине XIX в. в колониях практиковался 10- и даже 14-польный севооборот с четкой последовательностью чередования культур. Так, в Среднерогатской колонии на участке 2 года выращивали овес с поливкой золом, потом картофель, потом рожь, опять картофель, рожь и 4 года (или 8 лет) тимopheеку.

Получая основную часть доходов от земледелия, колонисты, в отличие от большинства крестьян губернии, рассматривали промышленную деятельность как вспомогательную, однако в пореформенный период интенсивность занимавшихся промыслами значительно увеличилась.

Более 1/3 семей в Петербургском и около 1/6 семей в Царскомском уездах были заняты промыслами. Жители Ямбургских колоний занимались лесными промыслами. Колонистами был фактически монополизирован такой вид работ, как очистка петербургских домов от мусора и нечистот по подряду с домоладельцами, что в отдельные годы обеспечивало заработок до 1000—1500 руб.

Однако самым распространенным оставался лачный промысел, дававший до 150—200 руб. за сезон. Значительную часть дачников, отпыхавших в колониях, составляли петербургские немцы среднего достатка.

Говоря о сравнительно высоком уровне благосостояния колонистов, следует, безусловно, иметь в виду, что они не представляли собой исключительно однородной массы: имела место существенная разница в экономическом положении отдельных колоний; шел процесс расслоения внутри каждого сельского общества. Но вместе с тем процент находившихся на низших ступенях социальной лестницы в среде колонистов был значительно меньше, чем средний по губернии, о чем свидетельствует невысокая доля безлопальных крестьян.

Таким образом, изначально ориентированные на занятия земледелием в условиях преимущественно промысловой подстольничной губер-

нии, колонисты, пройдя достаточно длительный и тяжелый этап адаптации, смогли внедрить на неплодородных приневских почвах переловую земледельческую культуру, наладить эффективное сельскохозяйственное производство, достичь на этой основе высокого уровня благосостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 18. С. 927.
2. ПСЗ. Т. 17. С. 373.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 13–17.
4. ПСЗ. Т. 24. С. 626–627.
5. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 2–12.
6. Там же.
7. Там же. Л. 55.
8. Там же.
9. ПСЗ. Т. 24. С. 626.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 84–93 об., 161–169 об.
11. ПСЗ. Т. 24. С. 628.
12. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 3.
13. Там же. Л. 11 об.
14. Там же. Л. 87.
15. Там же. Л. 161 об.
16. Там же. Л. 165.
17. Там же. Л. 162.
18. Там же. Л. 92 об.
19. ПСЗ. Т. 24. С. 629.
20. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1130, 1152.
21. ПСЗ. Т. 28. С. 1130.
22. ПСЗ. Т. 30. С. 57.
23. ПСЗ. Т. 30. С. 836–837.
24. ПСЗ. Т. 37. С. 38–39.
25. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1183. Л. 118 об.
26. Там же.
27. Там же. Л. 177.
28. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194.
29. Там же.
30. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 6.
31. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200.
32. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194.
33. ПСЗ. Т. 40. С. 430.
34. Там же. С. 431.
35. РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 382. Л. 15.
36. РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 336. Л. 8 об., 9.
37. Там же. Л. 18.
38. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 5. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде. Ч. 2. СПб., 1887. С. 143.
39. Кашенко С. Г. Реформа 19 февраля 1861 года в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 45.
40. Там же. С. 142.